УДК 821.111-3(71)
ББК 84(7Кан)-4
Л59

Charles de Lint

Dreams Underfoot

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Baror International, Inc. и Nova Littera SIA LLC

Линт, Чарльз, де
Городские легенды / Чарльз де Линт; пер. с англ. Н. Екимовой. – Москва: АСТ, 2015. – 576 с. — (Мастера магического реализма)

ISBN 978-5-17-089292-1

Ньюфорд — большой город, как Оттава или Нью-Йорк. И чудес в нем не больше и не меньше, чем в любом городе мира. Просто здесь их умеют видеть. На улицах Ньюфорда оживают древние мифы, появляются загадочные существа, таинственные призраки переносятся

из прошлого, любовь и ненависть материализуются.
Девятнадцать историй о том, что стоит только впустить самое маленькое чудо в свою жизнь, как обыденность начинает трещать
по швам.

УДК 821.111-3(71)
ББК 84(7Кан)-4

Copyright © 1993 by Charles de Lint
© Н. Екимова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Л59

ISBN 978-5-17-089292-1

Ступайте легче, ибо вы ступаете по снам моим. У. Б. Йейтс. «Он жаждет небесного плаща»

7

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга, которую вы сейчас держите в руках, — это не
роман, но и не простой сборник новелл. Скорее это цикл, состоящий из мифов и снов, страстей и печалей, комических и любовных историй большого города, тех ниточек индивидуальных судеб и драм, из которых сплетается пестрый узор общей жизни, — в общем, та самая магия, без которой не обходится ни один город, ни одна община близких по духу людей. И если вам покажется, что в вымышленном Ньюфорде мифа и тай-ны больше, чем в любом из виденных вами городов, то лишь потому, что вы не смотрели на них глазами Чарль-за де Линта, не примеривали к ним ту завесу грез, ко-торую он сплетает из слов и мелодий. В этой книге он как раз делится своими грезами с нами, но просит,

говоря словами Йейтса[1], «ступать легче», ведь город-
ская магия пуглива и мимолетна... и всякое прикосно-

вение к ней приносит перемены.
Джозеф Кэмпбелл[2], Карл Юнг[3], Джеймс Хилл-ман[4], Мария-Луиза фон Франц[5] и другие много и красноречиво писали о важности мифа для совре-

8

ЧАРЛЬЗ ДЕ ЛИНТ

менного общества, о потребности в богатых архетипи-ческими образами сказках, которые способны вернуть целостность раздробленной современной жизни. «Пользуясь архетипами и языком символов, — заме-чает фольклорист и писательница Джейн Йолен, — [фэнтези] придает наглядность мучающим читателя конфликтам и ситуациям, которые невозможно облечь в слова, а стало быть, объяснить или проанализировать. Оно делает материальными сны... [и] ведет нас к по-ниманию потаенных стремлений и самых дерзких мечтаний человечества. Возникшие в далекой древно-сти образы говорят с нами на современном языке, хо-тя мы и не всегда способны осознать заключенный в них смысл. Как и сны, они тают, а их суть ускольза-ет от нас, но, проснувшись, мы по-новому ощущаем

реальность. Они трогают нас, даже если — а может быть, и потому что — мы не понимаем их до конца. Они двойственны, половина на свету, половина в тени, но именно темная сторона действует сильнее всего. Так что если современный творец мифов, создатель волшебных сказок, отваживается прикоснуться к древ-нему колдовству, чтобы заставить его говорить на но-вый лад, он должен твердо знать, что делает».
Де Линт и есть один из тех авторов, которые раз-рабатывают эту золотоносную жилу с наибольшей уве-ренностью и знанием дела. Читатели, столкнувшиеся с его «городскими легендами» впервые, возможно, най-дут характерное для них смешение древних фольклор-ных мотивов с современной городской жизнью не-сколько необычным, ведь в нашей стране принято расчленять литературу и навешивать ярлыки: «фэнте-зи» в одну сторону, реализм и мейнстрим — в другую (хотя на одну полку с мейнстримом попадают работы таких зарубежных фантастов, как Кальвино [6], Альен-

9

ПРЕДИСЛОВИЕ

де [7] или Гарсия Маркес[8]). Но пока американские ли-
тературоведы и книготорговцы строят жанровые сте-

ны, писатели, подобные де Линту, своими рассказами разбирают их опять, кирпич за кирпичом. Забудьте о ярлыках. Забудьте обо всем, что приходит вам в го-лову, когда вы слышите слово «фэнтези» или даже вы-ражение «сборник рассказов». Только тогда вы сможе-те ступить на зачарованные улицы, созданные вооб-ражением де Линта.
В Ньюфорд мы попадаем не сразу, сначала автор при-водит нас на более привычные улицы Лос-Анджелеса, потом знакомит с рассказами живущего в Ньюфорде писателя Кристи Риделла; и только после этого мы видим сам Ньюфорд, обычный североамериканский город, су-ществующий одновременно везде и нигде, за тысячи миль отсюда или за следующим поворотом междугород-

ней трассы. Как и в любом другом городе, в Ньюфорде есть кварталы для богатых и трущобы, дневная и ночная жизнь и сумерки между ними; однако автора интересу-

ют прежде всего бездомные и те, без кого нельзя пред-ставить себе центральные улицы города, — бродячие музыканты и художники, панки и цыгане, проститутки,

чародеи и сбежавшие из дому подростки, люди, для ко-торых магия не просто проявление сверхъестественного,

но демонстрация глубочайших потребностей души, ис-кра надежды, теплящаяся в отчаявшемся сердце. Но самое могущественное волшебство — это чувство общ-ности, дружба и любовь, сострадание и поддержка, ко-торые есть на улицах Ньюфорда, — вот те серьезные темы, к которым обращается де Линт при помощи яр-ких фольклорных образов.
В Ньюфорде наивысшим магическим актом призна-ется творчество: создание картины, стихотворения или

мелодии, клиники для больных СПИДом, или приюта

10

ЧАРЛЬЗ ДЕ ЛИНТ

для бездомных детей, или просто семьи и гармоничных отношений. Так люди привносят волшебство в свою жизнь; именно так, в большом и малом, они каждый день создают мир заново. Де Линт любой поступок та-кого рода превращает в рассказы, которые питают его

Дерево Сказок, хранилище всех историй мира. «Дерево Сказок, — говорит Чародей де Линта, — это работа магии, веры. Самим своим существованием оно утверждает, что человеческий дух сильнее угото-ванной ему судьбы. Истории — это всего лишь исто-рии, они предназначены для того, чтобы развлекать и поучать, заставлять смеяться и плакать, но только те

из них, которые хоть чего-нибудь стоят, пробуждают в нашей душе отклик, не стихающий и после того, как перевернута последняя страница...»

Связанные между собой истории ньюфордского цикла — еще одна ветвь на могучем стволе этого древ-

него дерева, которая будет цвести и благоухать, покуда де Линт бродит по лабиринтам улиц придуманного им города.

Чарльз де Линт живет в Канаде, в городе Оттава, пишет романы, стихи, играет на скрипке и на флейте, рисует картины, изучает литературу и фольклор, одна-ко истинное его призвание — волшебство; он один из тех редких людей, которые превращают в магию все, к чему прикасаются при помощи таких разных ин-

струментов, как миф, сказка и фэнтези. «Думаю, что те из нас, кто пишет фэнтези, — сказала Сьюзен Купер, его коллега по перу, в речи, произнесенной на церемо-нии вручения награды в Ньюбери, — больше всего на свете стремятся сделать невозможное вероятным,

а сны похожими на правду. Мы — нечто среднее меж-ду абстракционистами и импрессионистами. В своем творчестве мы вновь и вновь возвращаемся к тем со-

ПРЕДИСЛОВИЕ

бытиям из собственной жизни, которые меньше всего понимаем, а иногда и вовсе не помним. И если чита-телю, будь то взрослый или ребенок, нравится напи-санное нами, то, наверное, его тяга читать это родом

из той же призрачной страны, что и наша потребность это писать... Я не раз пыталась объяснить, что же такое фэнтези, но ни одно определение меня не устраивало. Этот ярлык вообще ужасно ограничивает. По-моему, названия фэнтези заслуживает любое произведение ис-кусства, будь то книга или пьеса, картина или музы-кальное произведение, все, что добыто мастерством и талантом из чьего-то воображения. Мы просто гре-зим, а потом берем чистый лист и изо всех сил стара-емся воспроизвести на нем наши грезы».
Книга, которую вам предстоит прочесть, вся состо-ит из грез Джилли Копперкорн и Джорди, Софи и Кристи, Таллулы и самого Ньюфорда, увиденных и записанных Чарльзом де Линтом. Улицы вымышлен-ного им города вымощены снами, тонкими и легкими, как осенняя паутина, или прочными и основательны-

ми, как камень или асфальт. Поэтому, приближаясь к сердцу Ньюфорда, помните: ступать нужно осторож-но. Легко ступать.
Терри Уиндлин
(соредактор ежегодного сборника
«The Year’s Best Fantasy and Horror»)
Уиверз Коттедж, Девон, 1992

12

ПТИЧИЙ РЫНОК ДЯДЮШКИ ДОББИНА

1

Обычно она видела их в сумерках, когда с океана
тянуло вечерней прохладой: ветерок подгонял пухлые колобки, и они кувыркались вдоль линии прибоя, за-бредали в проулок позади ее дома, точно радующиеся свободе беглые пляжные мячи. Иной раз они цепля-лись за какой-нибудь угол или камень на краю троту-ара, и тогда из их упитанных боков высовывались тон-кие длинные ручки, которыми они отталкивались от

препятствия, и продолжали свой путь. Больше всего они походили на плывущие по реке весенние льдины или кусты перекати-поля, только разноцветные —

красные, желтые, голубые.
Они казались очень плотными, но только пока дул ветер. Стоило ему стихнуть, и яркие шары редели у нее на глазах, точно утренний туман под первыми лучами солнца, расползались рваными цветными полотнища-

ми, развеивались в воздухе без остатка, как дым.
То были особые вечера, она называла их Вечерами Круглых Людей.

13

ПТИЧИЙ РЫНОК...

Только раз в жизни она говорила о них: в конце шестидесятых, в Хайт-Эшбери. Дым ароматических свечей плавал в воздухе: на ободранном подоконнике догорали две жасминовые пирамидки. В комнате на четвертом этаже заброшенного дома, куда приходили ночевать убежавшие от родителей подростки да бро-дяги, стояла старая железная кровать. Ржавые пятна покрывали матрас. Жасмин перебивал въевшийся за-пах плесени. Она добровольно выбрала бедность тогда, ведь на дворе стояло Лето Любви.
— Я знаю, о чем ты, приятель, — сказал Грэг Лонг-ман. — Я тоже их видел.
На нем были замызганная белая футболка с про-стым пацифистским знаком и поношенные пластмас-совые вьетнамки. За поясом расклешенных джинсов торчала флейта. Длинные светлые волосы стягивала на затылке резинка. Черты тонкие, лицо аскета, худое и вытянутое то ли от бродяжничества и недоедания, то ли от избытка «дури».
— Они как... — Когда он говорил, его руки прихо-дили в движение, словно пытаясь изобразить то, что, он чувствовал, нельзя передать словами, — целый но-вый язык, думала она, глядя, как длинные гибкие паль-цы процеживают воздух. — ...Ну, они просто вообще... — Так ты в самом деле их видел?
— Ну да. Только не на улице. Они парят высоко, знаешь, как такие толстые воздушные змеи.

Ей стало легче, когда она убедилась, что они насто-
ящие.

— Правда, — добавил Грэг, — «дури» надо много выкурить, только тогда их увидишь.

Эллен Брейди положила книгу. Откинулась в крес-ле, щелкнула выключателем и уставилась в ночь. Вос-поминания вдруг нахлынули на нее с такой неистовой

14

ЧАРЛЬЗ ДЕ ЛИНТ

силой и остротой, что она почти чувствовала запах жасмина, видела ладони Грэга, которые порхали в об-лаках ароматного дыма, оставляя после каждого дви-жения нечеткий смазанный след, пока ей не стало казаться, что рук у него больше, чем у Кали. Интересно, куда же исчезают Круглые Люди. Длинные светло-русые волосы Эллен накидкой спу-скались до самой талии. Ее родители были ирландца-ми — мать из мюнстерских О’Хили, отец из семьи Брейди из Дерри. В роду матери были испанцы, вот откуда эта смуглая теплота кожи самой Эллен. Зато все Брейди были чистопородные ирландцы, от них-то она и унаследовала широкую кость. Но не только. Про-зрачные серые глаза — сумеречные глаза, как, бывало, поддразнивал ее отец, — которые могли заглянуть за

пределы того, что окружало ее здесь и сейчас. Она и без наркотиков видела Круглых Людей.
Ерзая в плетеном кресле, она оглядела пляж, но уже почти стемнело, и ветер был не с океана. Тяжесть кни-ги на коленях успокаивала, да и ее название как нель-

зя лучше соответствовало настроению Эллен: «Как вы-звать ветер». «Жаль, что это не учебник, а всего лишь сборник занятных рассказов», — подумала она. Автора звали Кристи Риделл, он был шотландец, ху-дой, как спичка, всякие странные идеи без конца ро-ились в его голове. Его прическа наводила на мысль о пережившем не одну зиму птичьем гнезде, к тому же он был на полголовы ниже самой Эллен, и все же она не могла забыть, как танцевала с ним однажды поздним вечером в саду, — с тех пор она не встречала

партнера лучше. Они познакомились на востоке, в до-ме друзей, причудливостью не уступавшем самой ди-кой фантазии. Длинные коридоры прихотливо вились меж потрясающими воображение анфилад комнат,

15

ПТИЧИЙ РЫНОК...

одна восхитительнее другой. И библиотеки. Эллен про-
сто жила в них.

«При подходящем ветре на мудреца надежды мень-ше, чем на дурака» — так начинался первый рассказ. Эллен помнила эту историю, еще когда та была на-стоящим рассказом, а не напечатанным на бумаге. В те дни она всегда звучала по-разному.

Жил-был однажды под пирсом в конце Мейн-стрит то ли гном, то ли просто человек очень маленького

роста по прозванию Долговязый. Кожа у него была коричневая, как засохшая грязь, а глаза голубые, как небо в погожий летний день. Был он худ, но с толстым брюшком и крючковатым носом, одевался в лохмотья, которые находил на пляже, и носил их до тех пор, по-

ка сквозь них не начинало просвечивать тело. Свои спутанные волосы он убирал под ярко-желтую кепку. Или заплетал в тонкие косички и привязывал к ним бусины и металлические петельки от пивных банок, которые натирал рукавом до зеркального блеска.
И хотя всякий, кто замечал, как он слоняется по улицам или бродит по пляжу, счел бы его скорее обыч-ным бродягой, чем волшебником, две чудесные вещи у него все-таки были.
Во-первых, свинья, которая видела ветер и умела летать на нем. От пятачка до кончика хвоста она была розовая и чистенькая, и такая большая, что хоть на ярмарку езжай — что Долговязый иной раз и делал, — а еще она разговаривала. Не на свинячьем языке, и да-же не на свинячьей латыни, а на самом настоящем английском, который понял бы всякий, кто дал бы себе труд послушать. Имя хрюшки менялось от рас-сказа к рассказу, но к тому времени, когда Кристи ре-шил-таки записать эту историю, они с Эллен остано-вились на варианте Бригвин.